

М.С.Турченко
**ФАКТОРЫ ФРАГМЕНТАЦИИ
 ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ
 РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
 (2003–2013)**

Ключевые слова: партийная фрагментация, региональные выборы, эффективное число партий, политические машины

¹ *Голосов [Golosov] 2006; Hale 2007; Кынев, Любарев [Kunev, Ljubarev] 2011.*

Долгое время участие политических партий в региональных парламентских выборах было более чем скромным¹. В результате избирательной реформы 2002 г. ситуация изменилась. В соответствии с федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», с 15 июля 2003 г. во всех регионах страны не менее половины депутатов законодательных собраний должны были избираться по пропорциональной системе. Таким образом, участие списков политических партий в региональных парламентских выборах стало неизбежным.

² *Gel'man, Golosov 1998.*

Одним из побочных эффектов этой реформы было появление региональных партийных систем, о которых если и приходилось говорить ранее, то лишь применительно к отдельным «отклоняющимся случаям»². При этом степень фрагментации таких систем значительно различалась от региона к региону.

Цель настоящей статьи — выявить основные причины фрагментации партийных систем российских регионов в период 2003–2013 гг., когда в каждом субъекте РФ как минимум дважды прошли парламентские выборы по новым правилам. Эмпирическим коррелятом понятия «партийная фрагментация» является эффективное число электоральных партий. В работе рассмотрено, какую роль в фрагментации региональных партийных систем играли институциональные, социологические и политические факторы. В первой части статьи описаны наиболее значимые подходы к объяснению причин фрагментации партийных систем, а также дан обзор исследований, проливающих свет на причины электорального доминирования «Единой России». Далее выдвинуты, обоснованы и операционализированы гипотезы исследования, а затем представлены результаты эмпирического анализа, проведенного с использованием метода множественной линейной регрессии. Главные выводы работы отражены в заключении.

**Подходы
к объяснению
причин
фрагментации
партийных систем**

³ *Neto, Cox 1997: 149.*

⁴ *Дюверже [Duverger] 2007.*

⁵ *Taagepera, Shugart 1989: 19, 112.*

⁶ *Lipset, Rokkan 1967: 47.*

⁷ *Ordeshook, Shvetsova 1994: 101.*

⁸ *Ibid.: 122.*

⁹ *См., напр. Neto, Cox 1997; Mozaffar, Scarritt, Galaich 2003; Geys 2006; Clark, Golder 2006.*

¹⁰ *См., напр. Гельман [Gel'man] 2012: 66—67.*

¹¹ *Ross 2011.*

Вопрос о причинах фрагментации партийных систем — один из классических в рамках электоральных исследований³. Для ответа на него в политической науке выработан ряд подходов.

Институциональный подход, основы которого были заложены еще М.Дюверже в опубликованной в 1951 г. работе «Политические партии»⁴, отводит ключевую роль в формировании партийных систем избирательным законам. В течение второй половины XX в. данный подход активно развивался в западной политологии. Было установлено, что главным параметром избирательных систем, влияющим на структуру партийной конкуренции, является величина округа⁵: чем она больше, тем выше должен быть и уровень политического плюрализма.

Второй, социологический, подход к объяснению причин партийной фрагментации подразумевает, что констелляция политических партий определяется прежде всего социальными характеристиками обществ, в которых эти партии функционируют, или политизированными общественными расколами. Одними из первых эту точку зрения выразили С.М.Липсет и С.Роккан⁶.

В рамках третьего подхода предполагается, что институциональные и социологические факторы влияют на число партий не порознь, а совместно. Проверке его состоятельности за последние годы было посвящено немало научных публикаций. Так, П.Ордешук и О.Швецова эмпирически протестировали гипотезу, согласно которой избирательные институты влияют на степень партийной фрагментации лишь в той мере, в какой это позволяет структура общества. Исследователи сконцентрировали внимание на таком параметре избирательных систем, как величина округа, а в качестве основного социологического фактора взяли степень этнической гетерогенности⁷. По их заключению, «если эффективное число этнических групп большое, политическая система становится довольно чувствительной к величине округа [то есть пролиферации партий способствуют высокая этническая фрагментация и большая величина округа]. Но если этническая фрагментация низкая, то *лишь* (курсив мой — *М.Т.*) большая величина округа ведет к высокой партийной фрагментации. Наконец, если величина округа — единица, то партийная система относительно невосприимчива к уровню этнической... гетерогенности»⁸. Впоследствии этот вывод был подтвержден в ряде других исследований⁹.

Все три упомянутых подхода были разработаны на материале демократических государств. Однако в современной России политический процесс функционирует в иной логике и нередко характеризуется как электоральный авторитаризм¹⁰. Отсюда следует, что, помимо институциональных и социологических факторов, партийная конкуренция здесь может быть опосредована факторами политическими, а именно вмешательством федеральной и региональной исполнительной власти¹¹.

Фрагментация vs. доминирование: случай России

В научной литературе, посвященной электоральным процессам в России, практически не уделялось внимания объяснению кросс-региональных различий в фрагментации партийных систем. Лишь в недавно опубликованной статье Г.Голосова был рассмотрен механический эффект влияния ограничительных методов перевода голосов в места (Имперали и «Тюменского метода») на степень партийной фрагментации в региональных парламентах. Было установлено, что подобные методы действительно сдерживают многопартийность на уровне ассамблей, способствуя сверхпредставительству крупных партий¹².

¹² Golosov 2014: 14.

В то же время в последние годы появилось немало работ, где анализируются причины доминирования «Единой России» на региональных парламентских выборах¹³. При решении поставленных в настоящем исследовании задач содержание этих работ тоже нельзя обойти вниманием, так как в некотором отношении фрагментация региональных партийных систем и доминирование «Единой России» — две стороны одной медали.

¹³ Golosov 2011;
Panov, Ross 2013;
Reuter 2013.

По заключению Голосова, электоральные результаты «Единой России» на региональных выборах 2003—2007 гг. определялись рядом факторов. Первый из них был связан со степенью влиятельности регионального руководства. Успех сопутствовал «партии власти» в тех регионах, где губернаторы обладали достаточным влиянием, что позволяло им эффективно использовать свои властные ресурсы в ее интересах. Другой немаловажный фактор касался этничности. Высокие результаты «Единая Россия» получала там, где доля русского населения была относительно невелика. Наконец, доля голосов за «Единую Россию» во многом зависела от действий центра, активно манипулировавшего избирательным законодательством. Эти и некоторые другие факторы обеспечили электоральное доминирование «партии власти» и привели к всеобъемлющему контролю центра над региональным политическим процессом¹⁴.

¹⁴ Golosov 2011:
411—413.

На основе анализа региональных парламентских выборов с 2003 по 2011 г. О.Дж.Рейтер пришел к выводу, что результат «Единой России» был выше там, где у глав исполнительной власти имелись отлаженные «политические машины»¹⁵. Такими, клиентелистскими по своей сути, «машинами» располагали прежде всего те губернаторы, которые были избраны населением региона на всенародных выборах¹⁶. Кроме того, Рейтером были статистически проверены многие другие предположения о факторах электорального доминирования «Единой России», взятые как из упомянутого исследования Голосова, так и из работ, выполненных на ином страновом материале.

¹⁵ Reuter 2013: 102.

¹⁶ Ibid.: 108—109.

Изучив электоральные показатели кандидатов от «партии власти» в одномандатных округах на 43 региональных выборах с 2008 по 2011 г., П.Панов и К.Росс установили, что результат выдвиженцев «Единой России» зависел от конфигурации и стратегий региональных элит и был выше в регионах с авторитарным политическим режимом¹⁷.

¹⁷ Panov, Ross 2013:
750.

В работах Голосова, Рейтера, Панова и Росса был выдвинут ряд гипотез, полезных для данного исследования. Вместе с тем нельзя забывать, что, будучи отчасти обусловлены сходными факторами, партийная фрагментация и электоральный успех «Единой России» в регионах — разные феномены, которые подлежат, соответственно, отдельно изучению.

**Обоснование
гипотез
исследования**

В настоящем исследовании анализ причин фрагментации партийных систем в регионах осуществляется по региональным электоральным циклам, под которыми в данном случае понимается не более чем хронологическая последовательность региональных парламентских выборов. Первые выборы по новым правилам (прошедшие в период с 7 декабря 2003 г. по 12 октября 2008 г.) отнесены к первому циклу; вторые (состоявшиеся в период с 8 октября 2006 г. по 8 сентября 2013 г.) — ко второму. Некоторые регионы успели провести третьи по счету выборы по новым правилам, но эти случаи ввиду их немногочисленности вынесены за рамки исследования.

Исходя из рассмотренных выше подходов, можно сформулировать несколько гипотез относительно факторов, повлиявших на уровень фрагментации партийных систем в российских регионах.

Институциональные факторы. Следуя заключениям приверженцев институционального подхода, можно было бы предположить, что различия в уровне партийной фрагментации российских регионов определялись размерами избирательных округов, в которых происходило распределение мест между списками политических партий, однако проведенные ранее исследования заставляют усомниться в обоснованности такого предположения¹⁸. В российских условиях партийную конкуренцию сдерживали не столько размеры округов, сколько официально установленные заградительные барьеры¹⁹. В связи с этим «институциональная» гипотеза будет состоять в том, что в регионах со сравнительно невысокими заградительными барьерами партийная фрагментация усиливалась.

Социологические факторы. В исследованиях, выполненных на материале демократических стран, в качестве важнейшего компонента социальной структуры, способного повлиять на уровень фрагментации партийных систем, нередко фигурирует степень этнической гетерогенности²⁰. Предполагается, что, поскольку этничность относится к тем характеристикам индивида и группы, которые легче всего поддаются политизации, такая гетерогенность является одной из ключевых предпосылок многопартийности. В статье будет протестирована применимость данного утверждения к полиэтническим субъектам Российской Федерации.

По заключению исследователей, опирающихся на опыт западных демократий, с ростом числа обладающих правом голоса сложность общественной структуры возрастает и расширяется круг вопросов,

¹⁸ См., напр. Golosov 2006: 28.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ См., напр. Ordeshook, Shvetsova 1994: 101.

²¹ Anckar 2000: 306.

попадающих в политическую повестку дня²¹. Ввиду того что артикуляторами требований граждан выступают партии, с увеличением количества политически релевантного населения их число тоже должно расти. Это будет вторая гипотеза в рамках «социологической» группы.

²² Hale 2007: 170—171; Golosov 2011: 401; Reuter 2013: 113.

Количество партий в российских регионах может также зависеть от доли проживающих там этнических русских. К настоящему времени появилось немало работ, где доказываемается, что для регионов с относительно небольшой долей русского населения характерны закрытый политический режим и слабая политическая конкуренция²². Таким образом, представляется вероятным, что в субъектах РФ с малой долей этнических русских партийная фрагментация будет низкой.

²³ Golosov [Golosov] 2006: 267—268.

²⁴ Кынев, Любарев [Кунев, Ljubarev] 2011: 512—573.

Политические факторы. Как уже говорилось, на характер региональных политических процессов активно влиял федеральный центр, еще в начале 2000-х годов взявший курс на постепенное сокращение числа политических партий²³. Для достижения этой цели был осуществлен комплекс законодательных мер, квалифицируемых рядом исследователей как «контрреформы»²⁴, которые снизили партийное предложение на федеральном и региональном уровнях.

Могли отразиться на степени партийной фрагментации и факторы, обусловленные спецификой региональной политической жизни. В частности, можно предположить, что уровень партийной фрагментации был ниже в регионах с влиятельными губернаторами, располагавшими эффективными «политическими машинами», которые позволяли им обеспечивать высокие электоральные показатели «партии власти». Однако воздействие данного фактора, судя по всему, зависело от года проведения выборов. Поскольку со второй половины «нулевых» годов общее число партий в стране неуклонно сокращалось, проводившиеся позднее региональные выборы могли отличаться низким уровнем партийной фрагментации безотносительно к степени влиятельности главы исполнительной власти.

С особенностями региональных политических режимов связаны и три другие «политические» гипотезы. В соответствии с первой из них, в регионах, политические режимы которых обладали четко выраженными авторитарными чертами, в электоральном процессе участвовало меньшее число партий. Согласно второй, низким уровнем партийной фрагментации отличались регионы, губернаторы которых одними из первых сделали выбор в пользу «Единой России». Третья гипотеза состоит в том, что относительно слабая партийная конкуренция должна была быть характерна для регионов со сплоченной политической элитой.

Наконец, в работе будет протестирована гипотеза о *совместном влиянии* на степень фрагментации региональных партийных систем *институциональных и социологических факторов*, а именно величины заградительного барьера и уровня этнической гетерогенности. Тем самым будет проверено, действительно ли при низких заградительных барьерах высокий уровень этнической гетерогенности способствовал пролиферации партий.

Операционализация переменных и источники данных

²⁵ См. Голосов [Golosov] 2006: 251.

²⁶ См. White 1980.

²⁷ Golosov 2010: 181—182.

Представленный в настоящей работе анализ осуществляется по двум региональным электоральным циклам, а его единицей выступает субъект Федерации. Выбор данного подхода определяется тем, что он позволяет отчетливее выделить факторы партийной фрагментации в кроссрегиональной и временной перспективах²⁵. В рамках первого цикла выборы по новым правилам состоялись в 87 регионах, в рамках второго — в 83-х. Основным методом исследования является множественный регрессионный анализ на основе метода наименьших квадратов с расчетом робастных стандартных ошибок²⁶.

Зависимая переменная, отражающая уровень фрагментации партийных систем субъектов РФ, — эффективное число электоральных партий (*ENPV*). Этот показатель для каждого регионального выборов рассчитывался по формуле, предложенной Голосовым, которая точнее альтернативных индексов фиксирует уровень фрагментации систем с доминирующей партией²⁷:

$$N_p = \sum_1^x \frac{s_i}{s_i + s_1^2 - s_i^2},$$

где s_i и s_1 — доли голосов или мест, полученных i -той и лидирующей партиями соответственно.

Независимая переменная, относящаяся к институциональному фактору фрагментации партийных систем, представлена в значениях официально установленных заградительных барьеров (*Threshold*).

Операционализация этнической гетерогенности (*Ethnic Heterogeneity*) выполнена на основе подхода Ордушука и Швецевой, которые рассчитывали степень такой гетерогенности посредством вычисления эффективного числа этнических групп²⁸:

$$\frac{1}{\sum g_i^2},$$

где g_i — процентная доля населения, относящаяся к i -той этнической группе.

Численность избирателей (*Voters*) операционализирована через их количество (в миллионах человек), зарегистрированное на территории субъектов РФ в 2003 (для первого цикла) и 2010 гг. (для второго цикла); а доля этнических русских (*Percent Russian*) — через процентную долю русских по данным переписей 2002 и 2010 гг.

Вмешательство федерального центра в региональные политические процессы с течением времени нарастало (по крайней мере, в рамках первого цикла). Чем позже проводились выборы, тем в менее благоприятных для функционирования партий условиях они проходили. Поэтому при операционализации независимой переменной, отражающей влияние центра на региональные партийные системы, было решено использовать показатели года и месяца проведения парламентских выборов (*Time of Election*). Например, применительно к выборам, проведенным в октябре 2006 г., соответствующая переменная будет

²⁸ Ordeshook, Shvetsova 1994: 108.

составлять 6,83: целая часть числа показывает год выборов, а дробная — результат деления порядкового номера месяца на 12.

Влиятельность глав регионов (*Governor's Strength*) операционализировалась через процентную долю голосов, полученных ими на последних губернаторских выборах, в которых они принимали участие. Если в момент проведения выборов в ассамблею регионом руководил назначенец, переменная кодировалась как ноль. Данный способ измерения степени влиятельности губернаторского корпуса уже использовался в ряде исследований, посвященных российской региональной политике²⁹. Однако, поскольку при выдвижении гипотез было сделано допущение, что наличие влиятельного губернатора сдерживало партийную фрагментацию лишь до второй половины «нулевых» годов, для регрессионной модели была разработана также интерактивная переменная — степень влиятельности губернаторского корпуса с учетом временного компонента (*Governor's Strength × Time of Election*).

При определении степени демократичности региональных политических режимов (*Democracy*) был задействован экспертный рейтинг Московского Центра Карнеги, подготовленный Н.Петровым и А.Титковым и построенный на десяти различных социально-политических индикаторах³⁰. Для парламентских выборов первого цикла использовалась оценка демократичности регионов за 2003—2007 гг., для парламентских выборов второго цикла — за 2006—2010 гг.³¹ Ввиду отсутствия более ранних данных в случае Чеченской республики индекс демократичности в первом электоральном цикле был взят за период 2004—2008 гг. Применительно к Агинскому Бурятскому, Корякскому, Таймырскому и Усть-Ордынскому Бурятскому автономным округам сведения о степени демократичности относятся к 2000—2004 гг. Источником информации здесь выступал индекс, подготовленный теми же авторами по той же методике в рамках проекта «Социальный атлас российских регионов»³².

Принадлежность главы региона к «Единой России» определялась на основании того, открывал ли он ее список на региональных выборах (*Head of List*). Однако участие губернаторов в избирательных кампаниях ЕР имело политические последствия лишь до тех пор, пока оно было хоть в какой-то степени добровольным. С марта же 2006 г. под давлением центра наличие губернаторов во главе списков «партии власти» стало уже не столько делом выбора, сколько негласной обязанностью³³. В связи с этим рассматриваемая переменная конструировалась в два этапа. На первом устанавливалось, возглавлял ли руководитель того или иного региона список «партии власти» (или региональную группу ее федерального списка, если региональные выборы совпадали с думскими). Если да, переменная кодировалась как единица, если нет — как ноль. На втором фиксировалось время, когда губернатор возглавлял список «Единой России». Если до марта 2006 г., то значение, полученное на первом этапе, умножалось на единицу, если в марте 2006 г. или поз-

²⁹ См., напр. Golosov 2011: 405; Reuter 2013: 110.

³⁰ Петров, Титков [Petrov, Titkov] 2013: 5—6.

³¹ Там же: 25—28.

³² http://atlas.socpol.ru/indexes/index_democr.shtml.

³³ Golosov 2011: 406; Reuter 2013: 111.

³⁴ Golosov 2011: 406. же — на ноль³⁴. Таким образом, данная переменная релевантна лишь для первого цикла региональных выборов.

³⁵ См. Reuter, Remington 2009.

³⁶ Golosov 2011: 406.

³⁷ Reuter 2013: 112—113.

³⁸ Ibidem.

³⁹ <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom/>

⁴⁰ <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2010/07/13/chislennost.html>

⁴¹ <http://db.geliks.org/>

⁴² <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

⁴³ <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=12>; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

⁴⁴ Кынев [Kynnev] 2009.

В условиях построения вертикали власти, одним из важнейших элементов которой выступала «Единая Россия»³⁵, показателем разделенности региональных политических элит может служить наличие значимых для региона политических акторов во главе списка любой другой партии. Если это имело место, переменная «разделенность элиты» (*Elite Conflict*) кодировалась как единица, если нет — как ноль. Подобный способ фиксации внутриэлитного конфликта уже использовался в работах Голосова³⁶ и Рейтера³⁷, однако к числу ключевых представителей региональных элит там отнесен не совсем идентичный круг акторов.

В настоящем исследовании воспроизведен подход Рейтера, который включает в региональную политическую элиту вице-губернаторов, членов Совета Федерации, председателей региональных законодательных собраний, а также мэров региональных столиц и городов с населением более 100 тыс. человек³⁸.

При конструировании переменных задействовалась информация из довольно широкого круга источников.

Сведения о результатах региональных парламентских выборов по спискам политических партий взяты из базы данных ЦИК РФ³⁹. Материалы сайта ЦИК использовались также для определения численности зарегистрированных в регионах избирателей на 7 декабря 2003 г. и на 1 января 2010 г.⁴⁰

База данных «Российская электоральная статистика» Центра содействия демократии и правам человека «Геликс»⁴¹ послужила источником сведений о величине заградительных барьеров на региональных выборах, состоявшихся до 4 декабря 2011 г. включительно, а также о результатах губернаторских выборов. Информация о величине заградительных барьеров на региональных выборах в 2012—2013 гг. почерпнута из базы данных «Гарант»⁴².

Материалы сайтов Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг.⁴³, касающиеся национального состава регионов, легли в основу переменных *Ethnic Heterogeneity* и *Percent Russian*.

Работа А. Кынева «Выборы парламентов российских регионов 2003—2009»⁴⁴ и база данных ЦИК РФ стали главными источниками информации о персональном составе списков политических партий на региональных парламентских выборах.

Эмпирический анализ

В табл. 1 представлены пять регрессионных моделей, сконструированных для объяснения причин различного уровня фрагментации партийных систем в первом цикле региональных парламентских выборов. Первая, вторая и третья модели тестируют гипотезы об институциональных, социологических и политических причинах соответственно. В четвертой проверяется гипотеза о совместном влиянии на развитие региональных партийных систем величины заградительного барьера

Таблица 1 Факторы партийной фрагментации (первый цикл)⁴⁵

⁴⁵ Здесь и в табл. 2 в ячейках приведены нестандартизированные регрессионные коэффициенты и значения робастных стандартных ошибок (в скобках).

	M1	M2	M3	M4	M5
Intercept	4,34*** (1,09)	2,21** (0,88)	7,75*** (2,21)	11,67*** (2,09)	10,46*** (2,55)
Threshold	-0,17 (0,17)	—	—	-1,17*** (0,31)	-0,52* (0,28)
Ethnic Heterogeneity	—	-0,16 (0,26)	—	-4,14*** (1,07)	-1,79* (1,01)
Voters	—	-0,35*** (0,12)	—	—	-0,16 (0,15)
Percent Russian	—	2,42*** (0,74)	—	—	1,84*** (0,63)
Time of Election	—	—	-1,07*** (0,26)	—	-1,01*** (0,23)
Governor's Strength	—	—	-6,15** (3,03)	—	-5,46** (2,65)
Democracy	—	—	0,09*** (0,02)	—	0,05*** (0,02)
Head of List	—	—	-0,80** (0,37)	—	-0,80** (0,34)
Elite Conflict	—	—	0,99*** (0,31)	—	0,69** (0,29)
Governor's Strength x Time of Election	—	—	0,84** (0,41)	—	0,74* (0,38)
Threshold x Ethnic Heterogeneity	—	—	—	0,55*** (0,16)	0,29* (0,15)
N	87	87	87	87	87
R2	0,03	0,21	0,61	0,23	0,69
Adj. R2	0,02	0,18	0,58	0,20	0,65

* p < 0,1

** p < 0,05

*** p < 0,01

и степени этнической гетерогенности. Наконец, пятая объединяет в себе четыре предыдущих.

Согласно полученным результатам, основные причины партийной фрагментации в первом цикле выборов были связаны с особенностями политического процесса как в регионах, так и в стране в целом (M3). На статистически значимом уровне получили подтверждение все гипотезы, выдвинутые в рамках «политической» группы. Эффективное число электоральных партий было ниже в регионах с закрытыми политическими режимами, а также там, где губернаторы принадлежали к «Единой России» и отсутствовали серьезные внутриэлитные разногласия.

⁴⁶ Доверительные интервалы с двух сторон от сплошной линии указывают на условия, при которых степень влияния глав регионов отражается на эффективном числе электоральных партий. Они статистически значимы до тех пор, пока одновременно располагаются ниже или выше нулевой отметки (см. Brambor, Clark, Golder 2006: 75—76).

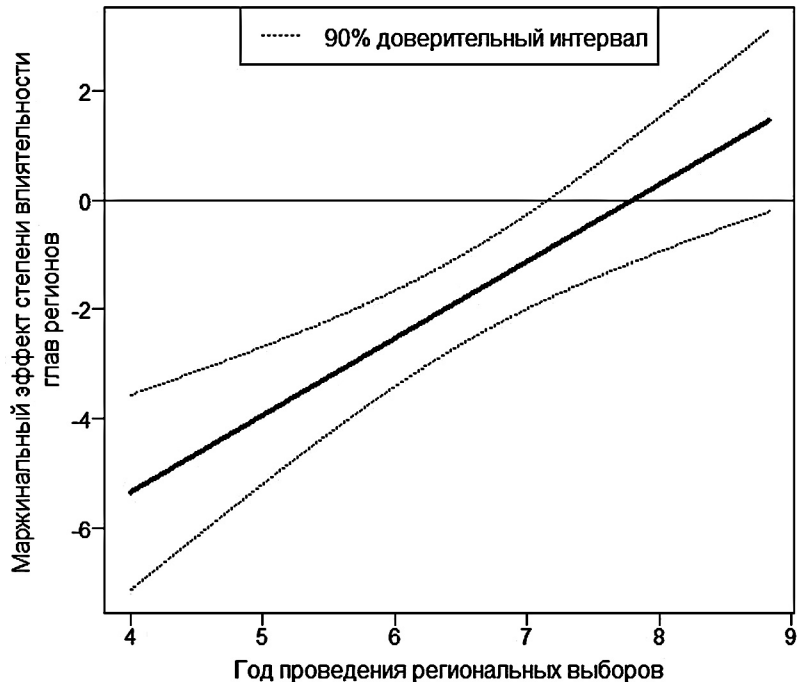
⁴⁷ См., напр. Clark, Golder 2006: 700—701.

Уровень партийной фрагментации был также ниже в регионах с влиятельными губернаторами, что подтверждает гипотезу об эффективности выстроенных ими «политических машин». Вместе с тем было обнаружено, что данная закономерность постепенно сошла на нет. Как видно из рис. 1, влиятельные главы субъектов Федерации сдерживали фрагментацию партий лишь до начала 2007 г. (с этого времени доверительный интервал маржинального эффекта теряет статистическую значимость⁴⁶). Дело, по-видимому, заключается в том, что к этому моменту под воздействием центра число жизнеспособных партий сократилось кардинальным образом и «партийное меню» практически во всех регионах стало примерно одинаковым безотносительно к силе губернатора.

Институциональные (M1) и социологические (M2) факторы обладают гораздо меньшей объяснительной силой, нежели политические. Более того, по отдельности они объясняют меньшую долю вариации зависимой переменной, чем вместе (M4).

Совместное же влияние этих факторов носило довольно неожиданный характер. В противоположность западным демократиям⁴⁷, этническая гетерогенность российских регионов не способствовала партийной фрагментации, а, наоборот, сдерживала ее. При этом, как следует

Рисунок 1 Маржинальный эффект степени влияния глав регионов (первый цикл)

⁴⁸ Любопытно, что при высоких заградительных барьерах (близких к 10%) этническая гетерогенность не только переставала сдерживать, но и начинала поощрять фрагментацию. Так, в Калмыкии, где был установлен 10-процентный заградительный барьер, эффективное число электоральных партий составляло 3,19.

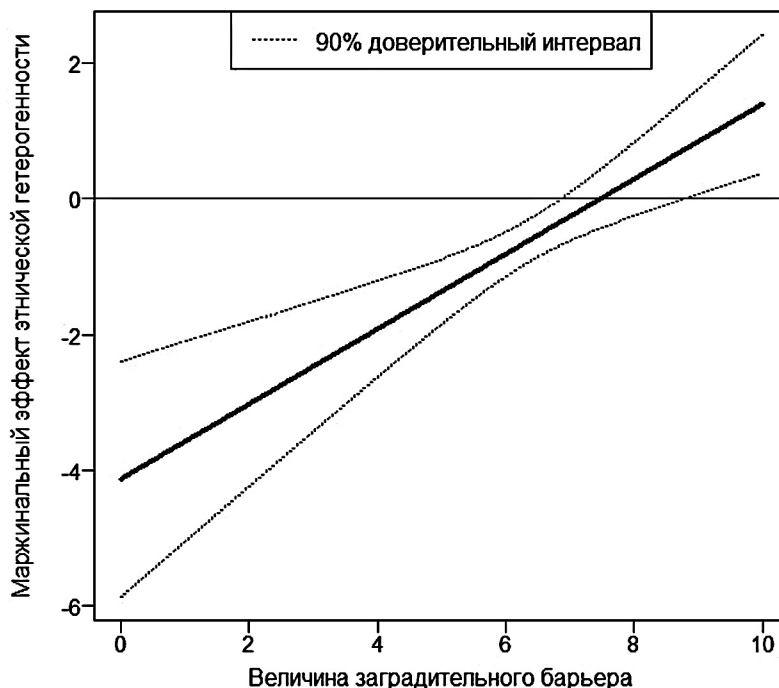
⁴⁹ Golosov 2011: 401.

из расчета маржинальных эффектов (см. рис. 2), такое сдерживающее влияние возникало при небольшой величине заградительного барьера⁴⁸. Подобная ситуация, по-видимому, обусловлена тем, что, помимо республик, высокая этническая гетерогенность присуща автономным округам, где по целому ряду особых причин (небольшая численность и плотность населения, значительные расстояния между населенными пунктами и т.д.) уровни фрагментации были низкими. При этом в шести из восьми автономных округов заградительные барьеры были ниже 7% либо их не было вообще.

В пятой модели (M5) объединены все факторы, сконструированные для анализа уровня фрагментации региональных партийных систем в рамках первого цикла выборов по новым правилам. Все включенные в нее переменные, кроме *Voters*, статистически значимы, а сама модель объясняет около 70% вариации зависимой переменной.

Для завершения анализа по первому циклу остается рассмотреть степень влияния на уровень партийной фрагментации переменной, отражающей долю этнических русских. Характер ее связи с зависимой переменной — отрицательный, что обусловлено высокой подконтрольностью политических систем этнических субъектов Федерации главам региональной исполнительной власти⁴⁹.

Рисунок 2 Маржинальный эффект этнической гетерогенности (первый цикл)

В табл. 2 представлены регрессионные модели, сконструированные для объяснения причин различного уровня фрагментации партийных систем во втором цикле региональных парламентских выборов. Алгоритм их построения был таким же, как и при построении моделей для первого цикла.

Как и в первом цикле региональных парламентских выборов, основную роль в объяснении вариации зависимой переменной играют политические факторы (M3), однако их сила существенно ниже. Лишь одна «политическая» переменная в этой модели одинаково значима для обоих циклов — *Democracy*. Переменная «разделенность элит»

Таблица 2 Факторы партийной фрагментации (второй цикл)

	<i>M1</i>	<i>M2</i>	<i>M3</i>	<i>M4</i>	<i>M5</i>
Intercept	2,24*** (0,58)	1,57*** (0,37)	-1,48*** (0,46)	3,20 (2,48)	-1,59 (1,34)
Threshold	0,01 (0,09)	—	—	-0,08 (0,36)	0,03 (0,18)
Ethnic Heterogeneity	—	-0,01 (0,09)	—	-0,67 (1,70)	-0,09 (0,87)
Voters	—	-0,03 (0,09)	—	—	-0,10 (0,09)
Percent Russian	—	1,03*** (0,35)	—	—	-0,01 (0,32)
Time of Election	—	—	0,16*** (0,04)	—	0,19*** (0,04)
Governor's Strength	—	—	2,01 (1,34)	—	2,58* (1,35)
Democracy	—	—	0,07*** (0,01)	—	0,07*** (0,01)
Elite Conflict	—	—	0,18 (0,24)	—	0,11 (0,24)
Governor's Strength x Time of Election	—	—	-0,20 (0,13)	—	-0,24* (0,13)
Threshold x Ethnic Heterogeneity	—	—	—	0,06 (0,25)	-0,01 (0,13)
N	83	83	83	83	83
R2	0,00	0,15	0,46	0,07	0,52
Adj. R2	0,00	0,11	0,43	0,04	0,45

* p < 0,1

** p < 0,05

*** p < 0,01

потеряла объяснительную силу, что отчасти является следствием того, что во втором цикле региональных выборов внутриэлитные конфликты, как правило, не выходили за рамки «партии власти», когда дело касалось электоральной борьбы. Интерактивная переменная, отражающая степень влияния губернаторов с учетом временного компонента, чуть вышла за пределы статистически значимого уровня, но вернулась в его границы в пятой модели (где и будет подробно рассмотрена).

Применительно ко второму циклу модель, объединяющая институциональные и социологические факторы (М4), оказалась практически бесполезной для объяснения степени фрагментации региональных партийных систем, равно как и «чистая» институциональная модель (М1). Причина состоит в том, что в подавляющем большинстве российских регионов, включая автономные округа и республики, были установлены 7-процентные заградительные барьеры.

Несколько большей (по сравнению с четвертой и первой моделями) объяснительной силой обладает социологическая модель (М2), но единственно за счет переменной *Percent Russian*, которая к тому же утрачивает статистическую значимость при соприкосновении с политическими факторами.

Полная модель (М5) объясняет примерно 50% вариации зависимой переменной. Особого внимания в ней заслуживает значимость интерактивной переменной *Governor's Strength × Time of Election*. Для корректной ее интерпретации был рассчитан маржинальный эффект, отображенный на рис. 3. Из рисунка видно, что во втором цикле региональных парламентских выборов высокая степень влияния глав регионов оказывала статистически значимое ограничительное воздействие на число партий с 2011 г.

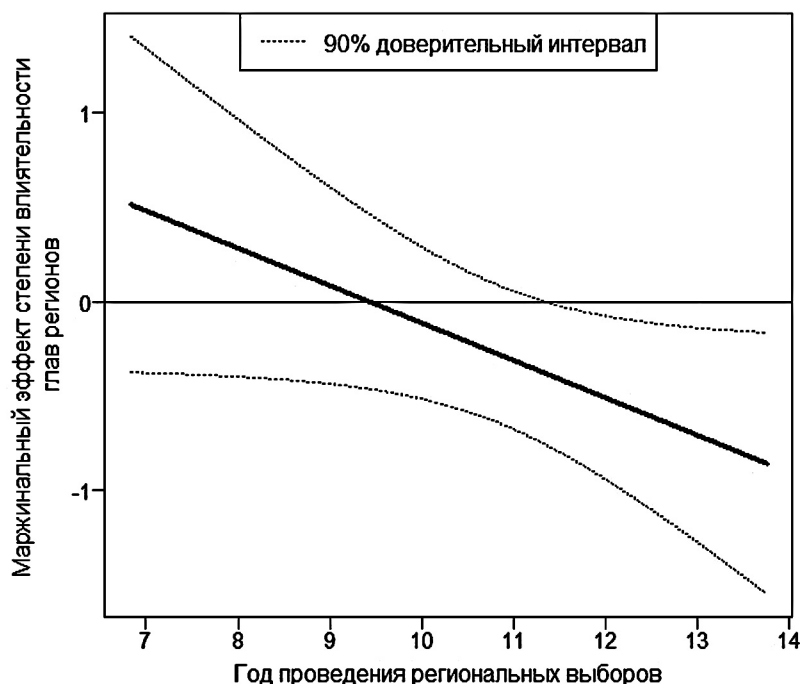
Данному феномену можно предложить следующее объяснение. С 2011 г. на волне мобилизации избирателей, недовольных status quo, стал значительно сокращаться уровень электоральной поддержки «Единой России», что закономерным образом привело к увеличению партийной фрагментации на региональных парламентских выборах⁵⁰. Активизация оппозиционных партий, произошедшая в то время, потребовала более интенсивного использования в интересах «партии власти» ресурсов «политических машин», которыми обладали влиятельные губернаторы. В итоге их воздействие на уровень партийной фрагментации опять, как и в период до 2007 г., стало заметным.

Заключение

В западных исследованиях, посвященных поиску причин партийной фрагментации, главное внимание уделяется институциональным и социологическим факторам. Предполагается, что число партий обусловлено параметрами избирательных систем, существующими общестественными расколами или их совместным влиянием. Данных объяснений, однако, недостаточно для понимания причин партийной фрагментации в российских регионах.

⁵⁰ Справедливость этого утверждения подтверждает сравнение значений эффективного числа электоральных партий на региональных выборах второго цикла, состоявшихся до 2011 г., с аналогичным показателем на более поздних выборах того же цикла. Результаты теста Манна-Уитни показывают, что с 2011 г. значения эффективного числа электоральных партий увеличились (результат статистически значим на 1-процентном уровне в левостороннем тесте).

Рисунок 3 Маржинальный эффект степени влиятельности глав регионов (второй цикл)

Проведенный анализ показывает, что основные факторы, определявшие эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2003—2013 гг., были связаны с активностью федерального центра и высших должностных лиц субъектов Федерации. Воздействие первого заключалось в создании неблагоприятных для появления значимых партий условий. Воздействие же глав регионов проистекало из наличия у наиболее влиятельных из них ресурсов «политических машин», которые использовались в интересах «партии власти», способствуя снижению общего уровня фрагментации. При этом эффект от деятельности таких «машин» наблюдался до 2007 г., пока политическая борьба на региональном уровне сохраняла более или менее конкурентный характер, и с 2011 г., когда политическая конкуренция вновь на некоторое время вернулась.

Устойчивое влияние на уровень фрагментации партийных систем российских регионов оказывал и такой фактор, как характер регионального политического режима. Регионы с большей политической открытостью имели более высокий уровень партийной фрагментации, и наоборот.

Полученные результаты демонстрируют, что, несмотря на наличие в первой половине 2000-х годов условий для складывания региональ-

ных партийных систем, решающую роль в их формировании играла исполнительная власть, препятствовавшая появлению значимых для избирателей партий, способных конкурировать с «Единой Россией». Если таковые и возникали, то исключительно в результате внутриэлитных разногласий, которые ко второму циклу региональных парламентских выборов по новым правилам практически сошли на нет. Таким образом, проведенное исследование указывает на существенную роль политических факторов при формировании партийных систем в режимах электорального авторитаризма.

Библиография

Гельман В.Я. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // *Полития*. № 4 [Gel'man V.Ja. 2012. Rascvet i upadok ehlektoral'nogo avtoritarizma v Rossii // *Politeia*. № 4].

Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика 1993—2003*. — СПб. [Golosov G.V. 2006. *Rossijskaja partiijnaja sistema i regional'naja politika 1993—2003*. — SPb.].

Дюверже М. 2007. *Политические партии*. — М. [Duverger M. 2007. *Politicheskie partii*. — M.].

Кынев А.В. 2009. *Выборы парламентов российских регионов 2003—2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы*. — М. [Kunev A.V. 2009. *Vybory parlamentov rossijskikh regionov 2003—2009: Pervyj cikl vnedrenija proporcional'noj izbiratel'noj sistemy*. — M.].

Кынев А.В., Любарев А.Е. 2011. *Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция*. — М. [Kunev A.V., Ljubarev A.E. 2011. *Partii i vybory v sovremennoj Rossii: ehvoljucija i devoljucija*. — M.].

Петров Н.В., Титков А.С. 2013. *Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю*. — М. [Petrov N.V., Titkov A.S. 2013. *Rejting demokraticnosti regionov Moskovskogo Centra Karnegi: 10 let v stroju*. — M.].

Anckar C. 2000. Size and Party System Fragmentation // *Party Politics*. Vol. 6. № 3.

Brambor T., Clark W.R., Golder M. 2006. Understanding Interaction Models: Improving Empirical Analyses // *Political Analysis*. Vol. 14. № 1.

Clark W.R., Golder M. 2006. Rehabilitating Duverger's Theory: Testing the Mechanical and Strategic Modifying Effects of Electoral Laws // *Comparative Political Studies*. Vol. 39. № 6.

Hale H.E. 2007. *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. — Cambridge.

Gel'man V., Golosov G.V. 1998. Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 14. № 1—2.

Geys B. 2006. District Magnitude, Social Heterogeneity and Local Party System Fragmentation // *Party Politics*. Vol. 12. № 2.

- Goloso** G.V. 2006. Disproportionality by Proportional Design: Seats and Votes in Russia's Regional Legislative Elections // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 1.
- Goloso** G.V. 2010. The Effective Number of Parties: A New Approach // *Party Politics*. Vol. 16. № 2.
- Goloso** G.V. 2011. Russia's Regional Legislative Elections, 2003—2007: Authoritarianism Incorporated // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3.
- Goloso** G.V. 2014. The Effects of Proportional Seat Allocation Methods upon Legislative Fragmentation: Evidence from Russia // *European Politics and Society*. 28.10.
- Lipset** S.M., Rokkan S. 1967. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. — N.Y.
- Mozaffar** S., Scarritt J.R., Galaich G. 2003. Electoral Institutions, Ethnopolitical Cleavages, and Party Systems in Africa's Emerging Democracies // *The American Political Science Review*. Vol. 97. № 3.
- Neto** O.A., Cox G.W. 1997. Electoral Institutions, Cleavage Structures, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*. Vol. 41. № 1.
- Ordeshook** P.C., Shvetsova O.V. 1994. Ethnic Heterogeneity, District Magnitude, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*. Vol. 38. № 1.
- Panov** P., Ross C. 2013. Sub-National Elections in Russia: Variations in United Russia's Domination of Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. Vol. 65. № 4.
- Reuter** O.J., Remington T.F. 2009. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4.
- Reuter** O.J. 2013. Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 29. № 2.
- Ross** C. 2011. The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3.
- Taagepera** R., Shugart M.S. 1989. *Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral System*. — New Haven, L.
- White** H. 1980. A Heteroskedasticity-Consistent Covariance Matrix Estimator and a Direct Test for Heteroskedasticity // *Econometrica*. Vol. 48. № 4.